

ПЛАТОН

ДИАЛОГИ ОБ АТЛАНТИДЕ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 1(091)"652"
ББК 87.3(0)
ПЗ7

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с древнегреческого *В. Карпова*

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фереца*

Компьютерный дизайн *Е. Фереца*

Платон.

ПЗ7 Диалоги об Атлантиде / Платон ; [перевод с древнегреческого *В. Карпова*]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 480 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-146258-1

Что мы знаем об Атлантиде?

И откуда вообще мы о ней узнали?

Откуда возникла эта легенда и кто впервые рассказал о могущественном островном государстве, описал его особенности и попытку завоевать древнее государство афинян?

Диалоги великого философа Платона «Тимей» и «Критий» — это единственный литературный источник, подробно рассказывающий нам об этом острове, где располагалось «удивительное по величине и могуществу царство» атлантов, погрязших в роскоши, алчности и гордыне и за это ввергнутых богами в морскую пучину.

В состав предлагаемого сборника входят также диалоги, затрагивающие тему человеческих добродетелей.

УДК 1(091)"652"
ББК 87.3(0)

ISBN 978-5-17-146258-1

© ООО «Издательство АСТ», 202

Диалогы об Атлантиде

Тимей

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩИЕ: СОКРАТ, КРИТИАС, ТИМЕЙ, ЕРМОКРАТ.

Сокр. Один, два, три; но четвертый-то¹ где же у нас, любезный Тимей, — четвертый из вчерашних гостей — сегодняшних хозяев?²

Тим. С ним случилась какая-то болезнь, Сократ. Ведь добровольно он не отстал бы от этой беседы.

Сокр. Так не лежит ли на тебе, вместе с другими, обязанность выполнить и то, что падает на долю отсутствующего?

¹ Разговор представляется происходившим на другой день после передачи Сократом его бесед о Государстве. Там время разговора относится к 22-му числу месяца таргелиона, в которое, по свидетельству Прокла, праздновались меньшие панафинеи; из «Государства» же мы знаем, что в 20-й день этого месяца, в праздник вендидий, Сократ заходит в дом Кефала и ведет там беседу о государстве и справедливости, а 21-го числа пересказывает ее Тимею, Критиасу, Ермократу и еще одному собеседнику, имя которого не упомянуто. Сократ, думавший встретить опять всех вчерашних друзей, не досчитывается теперь этого последнего. Гевзде полагает (Init. philosoph. Plat. vol. III, p. 23), что под четвертым отсутствующим собеседником Платон разумел самого себя, — что весьма вероятно.

² Слова *хозяин* (ἐστιάτωρ) и *гость* (δαιτῶν) берутся здесь в смысле метафорическом. Ἐστιάτορες угощают своих гостей умными речами и рассуждениями, а δαιτῶνες с наслаждением слушают их (ср. Phaedr. p. 227 B; Lysid. p. 211 C, al.).

Тим. Конечно; и мы, по мере сил, ничего не упустим. Да и несправедливо было бы, если б остальные из нас, приняв от тебя вчера приличное угощение, не постарались угостить тебя взаимно.

Сокр. А помните ли всё, что я предложил вашему обсуждению?

Тим. Иное помним, а что забыли, то теперь ты напомним нам. Но лучше, если это тебе не в тягость, пройди опять всё, в кратких словах, сначала, чтобы оно сильнее напечатлелось в нас.

Сокр. Так и будет¹. Сущность вчерашних моих рассуждений о государстве заключалась, кажется, в вопросе: какое и в составе каких мужей, по моему мнению, бывает оно наилучшее?

Тим. И что было сказано, пришлось нам всем, Сократ, очень и очень по мысли.

Сокр. Не отделили ли мы в нем сперва дело землепашцев и все другие искусства от класса людей, имеющих быть воинами?

Тим. Да.

Сокр. И, применительно к природным наклонностям, давая каждому лишь одно подходящее по свой-

¹ Этим кратким изложением беседы о государстве, веденной накануне, Платон сам устанавливает связь между его «Государством» и «Тимеем». В чем именно полагает он эту связь, видно далее из слов Критиаса, где он указывает порядок приготовленного для Сократа угощения. Все, что говорится в «Государстве» о совершенной добродетели человеческого рода, подтверждается и дополняется в «Тимее», причем речь сводится сперва на рождение универса вещей, потом на происхождение человеческой природы. В книгах «Государства» показывалось, какое значение имеет или может иметь идея добра в человеческой жизни, общественной и частной; теперь, в «Тимее», раскрывается мысль, что эта идея правит всем универсом вещей, почему проявляется и в человеческой природе.

ствам занятие и одно искусство, о людях, обязанных вести за всех войну, сказали, что им следует быть только стражами города, вне ли его кто, или внутри вздумает злодействовать; но судить милостиво им подвластных, как друзей по природе, и быть строгими единственно к встречающимся в битвах врагам.

Тим. Совершенно так.

Сокр. Ведь природа-то души у стражей, — как мы, думаю, говорили, — должна, с одной стороны, быть раздражительною, с другой — преимущественно философскою, чтобы они могли являться в отношении к одним насколько следует кроткими, а в отношении к другим строгими.

Тим. Да.

Сокр. А что же по поводу воспитания? Не то ли (сказали мы), что они должны быть воспитаны и в гимнастике, и в музыке, и во всех науках, какие пригодны им?

Тим. Конечно.

Сокр. Воспитанные же таким-то образом, — сказано было, кажется, — не должны думать о приобретении в личную собственность ни золота, ни серебра, ни другого какого бы то ни было имущества, но, как союзники (граждан), получая от охраняемых ими сторожевую плату, достаточную для людей умеренных, обязаны издерживать ее сообща¹, содержаться столом и жить вместе, и, не предаваясь иным занятиям, всегда заботиться о добродетели.

Тим. И это сказано было так.

Сокр. Равным образом мы упомянули и о женщинах²,

¹ Сократ имеет в виду место De ger. III, p. 415 D — 417 B.

² Об этом говорится De ger. V, p. 451—457. С этим местом полезно сравнить Legg. VI, p. 781 A; 802 E; 804 E; 814 B.

что они близки по природе к мужчинам; что поэтому все общественные занятия надобно приспособить и к ним, и всем им назначить общее (с мужчинами) дело как на войне, так и в других родах жизни.

Тим. Так, говорено было и об этом.

Сокр. Но что еще о деторождении?¹ По необычайности положений, не памятно ли нам то, что в отношении браков и детей постановили мы общее всё для всех, в тех видах, чтобы ни для кого не было собственного своего родства, но все считали всех сродниками, — именно, сестрами и братьями — тех, кто находится в соответственном тому возрасте, — родившихся раньше и старейших — отцами и родителями отцов, а позднейших по рождению — детьми и отрождением детей?

Тим. Да, по указанной тобою причине, и это памятно.

Сокр. А чтобы по возможности сряду же рождались у нас люди с природою наилучшею, не помним ли, мы говорили, что правители и правительницы должны, для устройства браков, хитро придумать такие жребии², по которым худые и добрые, те и другие, соединялись бы отдельно с подобными себе так, чтобы, причиною сочетания почитая случай, они из-за этого не питали друг к другу никакой вражды?

Тим. Помним.

Сокр. Говорили мы также, что дети добрых должны быть воспитываемы, а дети худых тайно распределяе-

¹ Об этом предмете философ рассуждает De ger. V, p. 457 sqq., p. 466.

² О жребиях для устройства браков см. De ger. V, p. 460 A.

мы по другим сословиям города¹. За подрастающими надобно постоянно наблюдать и достойных снова возводить, а недостойных у себя отсылать на место повышенных.

Тим. Так.

Сокр. Что же? не изложили ли мы всё уже дело позавчерашнему, обозрев его снова в главных чертах? Или чувствуем недостаток еще в чем-нибудь, любезный Тимей, что было сказано, а теперь пропущено?

Тим. Нет, говорено было это самое, Сократ.

Сокр. Так затем выслушайте, по поводу рассмотренного государства, какое производит оно на меня впечатление. Это впечатление-то у меня такого же рода, как если бы кто, смотря на прекрасных животных, воспроизведенных ли живописью, или действительно живых, только остающихся в спокойном состоянии, желал видеть, как они движутся и совершают в борьбе те действия, которые естественно совершать их телам. Так настраивает и меня рассмотренный нами город. Ведь с удовольствием послушал бы я, если бы кто раскрыл словом, как наш город, решаясь, по обстоятельствам, вести войну, подвизался бы в этой борьбе против других городов, и как в течение войны, и в совершении самых дел, и в словесных сношениях, по отношению к каждому из городов, вел себя достойно своего образования и воспитания. В этом-то, Критиас и Ермократ, я не доверяю сам себе, буду ли в силах достаточно восхвалить тех мужей и тот город.

¹ По другим сословиям города; — в этом смысле мы принимаем употребленное здесь выражение εἰς τὴν ἄλλην πόλιν (ср. De ger. III, p. 415 A, B; V, p. 461 A).

Впрочем, что касается меня, это и не удивительно; но такое же мнение получил я и о поэтах, — как живших в древности, так и живущих теперь. Я не унижаю рода поэтического; но всякий ясно видит, что подражающая масса, в каких воспитана понятиях, тому легче и лучше подражает; а тому, что встречаешь вне условий своего воспитания, трудно с успехом подражать и делами, а еще труднее словом. Род же софистов почитаю я хотя и очень опытным в красноречии и других прекрасных искусствах, но боюсь, как бы эти люди, бродящие по городам и нигде не основывающие себе собственного жительства, не ошибались в своих догадках, как и что, на войне и в битвах, должны делать и говорить философы и вместе политики, при их деятельных и словесных сношениях с другими. За тем остаются люди вашего звания, которым и по природным свойствам и по воспитанию доступно то и другое. Ведь этот Тимей — гражданин Локров¹, благоустроеннейшего города в Италии, своим богатством и происхождением не уступающий никому из тамошних, — достиг в городе величайшей власти и почестей,

¹ Прокл говорит о Локрах: «Локры — город несомненно благоустроенный, потому что законодателем его был Залевк» (ср. Legg. I, p. 638 A). Что касается философа Тимея, он был, по свидетельству самого Платона, глубокий знаток астрономии и все свои труды направлял к изучению природы. Макробий в своих Сатурналиях (I, 1) не допускает, чтобы он мог жить в одном веке с Сократом. Но этот писатель ошибается, если только справедливо, что утверждает Цицерон (De Fin. V, 20, Tuscul. I, 37, De ger. I, 10), — именно, что этого Тимея Платон слушал в Италии. Впрочем, по свидетельству Ионсия (Hist. philosoph. scriptor. p. 32 и 125), между древними греками было несколько лиц, пользовавшихся большею или меньшею известностью, которые носили имя Тимея.

и в философии, всей вообще, поднялся, по моему мнению, до высшего предела. О Критиасе¹ тоже все мы здесь знаем, что ему очень не чужды предметы, о которых говорим. Что, наконец, Ермократ² ко всему этому способен и по природе и по воспитанию, в том убеждает нас множество свидетельств. И потому-то вчера, склоняясь на вашу просьбу рассмотреть вопрос о государстве, я охотно уступил вам, зная, что, если вы захотите, никто удовлетворительнее вас не раскроет дальнейшее. Ведь из нынешних одни только вы могли бы, поставив город приличным образом в войну, дать о нем справедливый во всех подробностях отчет. Так вот, раскрыв то, что мне было задано, я задал и вам, в свою очередь, урок, о котором говорю. Вы согласились, по взаимному между собою уговору, заплатить мне сегодня за мои исследования гостеприимным словом: вот для этого я и явился теперь сюда, принаряженный, и совершенно готов принять угощение.

Ерм. И право, Сократ, в усердии-то с нашей стороны, — как сказал Тимей, — недостатка не будет, да и нет у нас предлога не сделать этого. Так что и вчера, как только пришли отсюда в гостиное помещение

¹ О роде Критиаса мы говорили во введении к «Хармиду» (т. I, стр. 268). Это был человек ученый и красноречивый, хорошо знакомый с методою Сократовых рассуждений, как утверждает Цицерон (Orat. III. 34). Но, при всех своих преимуществах и дарованиях, впоследствии, достигнув высших степеней власти, он позволил себе непростительные злоупотребления (см. Xenoph. Hell, II, 3, 18 sq.). Схолиаст, в примечании к этому месту, говорит: Κριτίας ἦν μὲν γενναῖος καὶ ἀδράς φύσεως, ἤλτετο δὲ καὶ φιλοσόφων συνουσιῶν, καὶ ἐκαλεῖτο ἰδιώτης μὲν ἐν φιλοσόφοις, φιλόσοφος δὲ ἐν ἰδιώταις.

² Прокл и Схолиаст к эт. м. говорят: Ὁ Ἐρμωκράτης Συρακοῦσιος ἐστὶ στρατηγός, κατὰ νόμον ζῆν ἐφιέμενος. — Thucyd. IV, 58; VI, 32 и 72. Xenoph. Hist. Graec. I, 1, 27 sq.

к Критиасу, где остановились, да и ранее того, на пути, мы опять рассуждали об этом. И он тут сообщил нам одно древнее предание, которое, Критиас, ты пере- скажи теперь и Сократу, чтобы Сократ обсудил вместе с нами, годится ли оно для его урока или не годится.

Крит. Надобно сделать это, если того же мнения будет и третий товарищ, Тимей.

Тим. Конечно, того же.

Крит. Выслушай же¹, Сократ, сказание, хоть и очень странное, но совершенно достоверное, как заявил некогда мудрейший из семи мудрых — Солон. Он был родственник и короткий друг прадеду нашему Дропиду², о чем и сам нередко упоминает в своих стихотворениях. Дропид сообщал нашему деду Критиасу, а старик Критиас передавал опять нам, что велики и удивительны были древние дела нашего города, теперь, от времени и гибели человеческих поколений, пришедшие в забвение; но из всех величайшее было одно, припоминанием которого можем мы теперь прилично выразить тебе нашу благодарность и вместе с тем, при настоящем празднестве, достойно и истинно, не хуже чем гимнами, восхвалить самую богиню³.

Сокр. Хорошо сказано. Но о каком же это древнем деле рассказывал Критиас, в значении не только пре-

¹ Сократ желал, чтобы собеседники показали ему, достаточно ли сильно будет описанное им общество для отражения внешних врагов. Этот вопрос Критиас ставит теперь наглядно, сообщая любопытное предание о доблести древних афинян, — которое, впрочем, набрасывается здесь только в общих чертах, а развивается окончательно в особом диалоге «Критиас».

² Родословная таблица Платона и Критиаса уже приведена нами во введении к «Хармиду» (т. I, стр. 268).

³ *Восхвалить самую богиню*, — то есть Афины, покровительницу города.

дания, но подвига, некогда, по сведениям Солона, действительно совершенного этим городом?

Крит. Я сообщу тебе древнее предание, которое слышал не от молодого человека; потому что Критиасу было тогда, по его словам, уже под девяносто лет, а мне — много что десять. Случилось это у нас в третий день апатуриев¹, называемый куреотис. Обычное для нас, детей, празднование этого дня повторилось и на тот раз; потому что отцы выставили нам награды за чтение рапсодий. Из многих поэтов и много тогда прочитано было стихотворений; а как некоторую новость для того времени, пропели многие из нас, детей, и стихотворения Солона. И вот, при этом случае, кто-то из товарищей по фратрии, — был ли он в самом деле того мнения или хотел также польстить Критиасу, — сказал, что считает Солона не только величай-

¹ Апатурии праздновались ежегодно, в месяце пианепсионе, т. е. октябре, в течение трех дней. Название праздника надо производить от слова $\lambda\alpha\tau\acute{\eta}\rho$ (ἄπλατοῦρια), а не от $\acute{\alpha}\lambda\alpha\tau\acute{\eta}$ (обман), как производили в шутку некоторые комические поэты, а за ними, по недоразумению, и многие ученые (см. Meurs. Graecia Feriat. I, p. 34. Xenoph. Hist. Gr. I, 7, 8). Первый день праздника назывался $\delta\acute{o}\rho\lambda\epsilon\iota\alpha$, так как он, по свидетельству Свиды, открывался ночными пирушками (δόρτη) членов фратрий. Второму было имя $\acute{\alpha}\nu\acute{\alpha}\rho\rho\upsilon\sigma\iota\varsigma$ — от выражения $\tau\omicron\upsilon\ \acute{\alpha}\nu\omega\ \acute{\epsilon}\rho\upsilon\epsilon\upsilon\upsilon$ или $\theta\acute{\upsilon}\epsilon\upsilon\upsilon$ (приносить жертву), потому что в этот день совершались жертвоприношения Зевсу, покровителю фратрий, и Афине. Третий назывался $\kappa\omicron\upsilon\rho\epsilon\acute{\omega}\tau\iota\varsigma$, оттого что в этот день юноши (κοῦροι) и девы (κόραι) записывались в члены фратрий. Родители имели обыкновение в этот третий день устраивать для более возрастных детей состязания в произнесении стихов, причем лучшим чтецам назначались награды. Этот обычай установлен был, вероятно, с тем намерением, чтобы дети могли выставить публично некоторые образцы и доказательства полученного ими образования.

шим мудрецом в других отношениях, но и в поэзии наиболее благородным из всех поэтов. А старик, — это я живо помню, — приняв такое замечание с большим удовольствием, рассмеялся и сказал: если бы, друг Аминандр, занимался он поэзией не между делом, а серьезно, как другие, и обработал сказание, принесенное им сюда из Египта; и если бы не возмущения и другие бедствия, которые застал он здесь по возвращении и которые принудили его бросить поэзию, то, по моему мнению, не был бы знаменитее его ни Исиод, ни Омир и никакой другой поэт. — Что же это за сказание, Критиас? — спросил Аминандр. — Сказание, отвечал он, о величайшем и по справедливости славнейшем из всех подвигов, и этот подвиг действительно совершил наш город, только повесть о нем, за отдаленностью времени и за гибелью его исполнителей, до нас не достигла. — Рассказывай сначала, пригласил тот, что, как и от кого, в качестве достоверного сказания, слышал, по его словам, Солон.

В Египте, начал он, на Дельте, углом которой разрезывается течение Нила, есть область, называемая Саитской¹, а главный город этой области — Саис, откуда был родом и царь Амазис. Жители этого города имеют свою покровительницу богиню, которая по-египетски называется Нейф², а по-эллински, как говорят они, Афина. Они выдают себя за истинных друзей афинян и за родственный им, до некоторой степени, народ. Прибыв туда, Солон, по его словам, пользовался

¹ О Саитской области см. Herod. II, с. 17, 163, 169.

² О египетской богине, которой имя было Нейф, упоминают еще Геродот (II, 169 sq. 175), Страбон (XVII, р. 802), Плутарх (De Isid. et Osirid. p. 354), принимая ее за одно с Минервою. О ней см. Greuzer, Symbol. II, p. 658, 661, 675 sqq.

у жителей большим почетом, а расспрашивая о древностях наиболее сведущих в этом отношении жрецов, нашел, что о таких вещах ни сам он, ни кто другой из эллинов, просто сказать, ничего не знают. Однажды, желая вызвать их на беседу о древних событиях, Солон принялся рассказывать про греческую старину: говорил о Форонее¹, так называемом первом, и о Ниобе, затем, после потопа, о Девкалионе и Пирре, как они спаслись; потом проследил их потомство и, соображая время, старался определить, сколько минуло лет тому, о чем говорилось. Но на это один очень старый жрец сказал: О Солон, Солон! вы, эллины, всегда дети, и старца эллина нет. Услышав это, Солон спросил: как это? что ты хочешь сказать? — Все вы юны душою, примолвил он; потому что не имеете вы в душе ни одного старого мнения, которое опиралось бы на древнем предании, и ни одного знания, поседевшего от времени. А причиною этому вот что. Многим и различным катастрофам подвергались и будут подвергаться люди; величайшие из них случаются от огня и воды, а другие, более скоротечные, — от множества

¹ С х о л . : «Фороней — сын Инаха и Мелии, царь аргивян. Ниоба — дочь Фороней и Тилодики, дочери Ксута». Схолиаст, впрочем, ошибается, считая жену Фороней дочерью Ксута, потому что Ксут приходился внуком Фороней, жившему до Девкалионова потопа. По Аполлодору (II, 1), Фороней родил Апию и Ниобу от нимфы Лаодики; Павзаний же женою его называет Церду (II, 21). Фороней славился у греков как основатель города Аргоса и как царь, издавший первые законы и установивший жертвоприношения богам. Вообще, заслуги Фороней по отношению к образованию и устройству граждан ценились очень высоко, так что дела его воспевались и передавались потомству в стихах (см. Pausan. II, 15. Hygin. Fab. 143. Tertullian. Adv. gentes, 60. Euseb. Praep. evang. X, 10).